

«ЧТО ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ...»

Ульяна Гордеева,
11 класс

Я часто думаю: «Нам бы крылья птицы, и мы улетели бы скорой голубкой, унесённой дыханием ветра, в небо, чтобы принести на нашу землю мир...»

Тихая, дремотная ночь, безвозвратно погружённая во влажный сумрак, отливала сизой тоскливостью пасмурного неба. Неуёмный ветер резво перепрыгивал через стены домов, взбегал на крыши, спускался с них и проносился меж ветвей, заставляя их трепетать. Но позже вой его усилился, ветер окреп, стал порывистым и сильным, и на этот раз даже толстые ветви, грубо ошестинившиеся, безраздельно ему повиновались, застучав друг о друга точь-в-точь, как кастаньеты.

Я уснула, сидя за столом. Но разбудил меня, помятую и всклокоченную со сна, отдалённый гром, похожий на вздох, острыми когтями вырванный из чрева земли.

Темнеющее небо надвое расколосось зигзагом ослепительно яркой, разлапистой молнией-фурией, небольшой, величиной с большой палец вытянутой вперед руки. Дом потрескивал и постанывал, сотрясаемый рассыпчатым, но трескучим и протяжным громом, застывая на яростных нотах — будто разверзается земля и рушатся горы.

Нет, это не гроза! Сердце моё подпрыгнуло и провалилось в бездонную яму, а в тот же миг от ударных волн и шторма разрывных пуль беспомощно задрезбжали стёкла, лампы неуверенно замерца-

ли, делаясь не ярче теней, стены задрожали, взбивая фонтан пыли, что кувыркком понесся волнистым слоем — медленно-медленно — с мрачных, окутанных тенями потолков. Мелькают огни далеких пожаров, беспощадных свидетелей и виновников нашего горя. Страх разлил по моему лицу смертельную бледность, и, дрожащими ледяными пальцами что есть силы, грубо обвил мою шею, склизко и омерзительно, а в груди маленьким зверьком зашевелилась холодная дрожь, пронизывая меня с головы до пят, как всегда бывало, когда такие дни вновь и вновь возвращались к нам

Любой, кто переживает войну, умеет отличать звуки сражений от звуков непогоды.

Каждая война звучит по-своему. У нас звук этот тоже особенный, не такой, как бойкая разногласица мирной жизни. Я слышу, как мчатся танки — крепости, стремительно несущиеся вперед на врага, не сравнимые ни с чем мощью и какой-то отчаянной беспощадностью. Они с ревом прокладывают себе путь, бешеной скоростью неотвратимо сминая под себя всё, что попадётся на пути, сдирая кожу с лица земли и оставляя шрамы, которые будут заметны даже через время. Предшествуя танкам, этим царственным металлическим громадам, на фоне красного горизонта ныряют спиралями под свинцовым мрачным небом сонмы снарядов — будто исполинская огненная корона над городом.

Звуки эти давно пропитали нашу жизнь, как пропитывает робу матроса соленая влага моря с гривастыми грядами волн. Лик войны, костлявый хищный, с алчно горящими глазами, грозный перелив зловещего голоса ее, уродливый оскал ежедневно угрожает страшными ранами, смертями и разрушениями, нависая над нами дамокловым мечом.

Точно шрам, что прорезает и рассекает сильные плечи, лопатки, грудь, идёт через мускулы рук, локти, кисти, так и война кривыми и

грубыми шрамами окольцовывает наш город, кудрой косою проходя по нескончаемому полю наших воспоминаний, разлетевшихся в душе дождём мелких осколков.

Дни мчатся чередою, словно вереница туч по небу. Мрачны, неутешительны сводки, не обещают скорых изменений в странных образах сложившихся обстоятельствах. Привычные огни большого города, сказочно мирные и безмятежные, ещё недавно такие яркие, бриллиантами мерцавшие в ночи, увядают, словно безвременно постаревшие листья. Как птица в клетке, бьётся и пульсирует сердце города; неустанно, день и ночь оно гонит по железно-дорожным артериям войну.

В телевизоре — бесстрастное лицо, с четкими, хорошо нарисованными скулами; экран зло щерится хаосом новостей, и каждая из них кажется печальнее предыдущей. А я жадно ловлю бегущие по экрану слова, строки причудливого шрифта, завитушчатые буквы, щедрую россыпь восклицательных знаков и пылающее, пестрящее ворохом многоцветье красок, людей, событий! Так вот она какая, жизнь без войны!

Все эти образы, пронесаясь в голове легким и неясным облаком, туманным и текучим, исчезают, растворяются в воздухе.

Тогда я точно помню, что не спала всю ночь, ни на миг не смежая дрожащих, заплаканных, парализованных страхом глаз, в которых робкими иголочками звёзд разгоралось пламя зажжённой свечи (электричества часто не было у нас), чей растопленный воск в сером смолистом дыму вскоре приобретал цвет тёмного золота. В ее неверном и приглушённом свечении, ослабевающем до тёплого и мягкого золотого, постепенно проступали отблески света, что будто содрогались и страшились чего-то, ведомого лишь им одним и переливались, деля на полоски грубо оструганный дощатый пол. Но ужасно было само воспоминание о той страшной ночи, где каждая тень казалась вестницей нависшего над нами рока. Ночь была, как туго натянутая струна, резонирующая страхом. Всё — любая тень, любой шорох, очень близко, на расстоянии дыхания возле меня — заставляли вздрагивать и тревожно озираться по сторонам. Вибрирующий звук медленно расплывался в тишине, напря-

женно зависая в воздухе и насыщая его загадками и предчувствиями.

И вдруг все закончилось. И наступила тишина. Тишина... Это тоже особый звук войны. Ночь нависла над городом, такая же неприветливая и безлунная, как все остальные ночи. Мрак, кажется, поглотил собою все, и даже звуки. Тишина — это передышка в войне. Костлявая, усталая хищница, она, наверное, в это время спит. Кажется, что вокруг нет ничего. И никого.

В тишине только было слышно, как медленно-медленно бьётся моё сердце. Тишина. Звеняще замогильная тишина. Давящая тишина. Не та, что воспевают поэты. Тишина, что растилается бескрайним цепким ковром, от которой с новой силой сводит живот, словно его сковывает арктическим льдом, тугой колючий ком встаёт в обожжённом горле, а безликий, безымянный страх снова сжимает сердце, вонзая когтистые лапы, стискивая и перехватывая грудь. Да, горел, полыхал, взрывался страх. А тишина была затаившимся хищником, с силой врвалась в уши, отзываясь там мучительным эхом. А вокруг сгущалась тьма — ежечасно проворные, увёртливые и бессловесные тени подкрадывались, блуждая от стены к стене, по—крысиному метались и перекрещивались, по—змеиному скользили, а меж тем сгущались, становились всё более глубокими, наперебой оседали и падали, чтобы осторожно, с опаской притаиться, сжаться, сгрудиться неприметным комком, а затем, того и гляди, собраться с новыми силами и в одно мгновение выскочить, сливаясь и растворяясь в отдалённых от яркого света углах большой комнаты.

Звуки войны — это звуки смерти, небытия. В мире есть другие звуки, звуки жизни. Резкий, пронзительный крик новорожденного, который так волнует материнское сердце. Первые слова ребенка, простые, как трава у забора. Знакомые голоса, шепчущие о старом, любимом, словно чайки, кружащие над далеким берегом моря, предупреждая о близящемся шторме.

Жизнь и смерть всегда будут точками приложения двух противоположных векторов, а между ними лишь память — всё, что остаётся с нами, ведь прозрачные дни отошли в неви-

димую даль, и порой начинало казаться, будто светлой, радостной, мирной жизни никогда и не было. А если и случилась она с нами, то очень и очень давно.

С нами сейчас скорбная боль матерей, невыплаканные слезы отцов и дыхание печальных донецких равнин. Но не только скорби наполняют нашу нынешнюю жизнь. Минуют скорби — наступит время радости. Я знаю, что будет так. Есть звуки войны, есть звуки жизни, а есть звуки надежды и спасения.

Ранним осенним утром выхожу на крыльцо. На западе города, там, где высится среди унылых полей гигантский остов аэропорта, напоминающий доисторическое чудовище, слышна канонада. Ее страшную безнадежную монотонность перебивает звучащая где-то вдалеке мелодия воскресного колокольного звона; его долгий, пронизанный волшебным звучанием, многократно повторяющийся призыв то замирает, то оживает, то зовёт, то сам откликается на зов, необъяснимо суля надежду, сливая воедино золотые видения в наших самых заветных, чудесных и крылатых мечтаниях с тонким ароматом ясной свежести раннего утра. В храме неподалеку начинается служба. Спешу туда.

Есть одно слово, значащее для нас больше всех остальных в нашем существовании: Бог! Батюшка, облачённый в сияющую одежду, до сердцебиения прекрасную — высоко поднятая голова, расправленные плечи и руки, вскинутые в благословляющем жесте, призывающем к умиротворению — протяжно поёт у алтаря, приветствуя утро, рассвет и мир, а собравшийся народ вторит ему, и «Отче наш» звучит торжественным хором — пронзает сердце музыкой из иного, прекрасного и волшебного мира. посреди лёгкого налёта свечных искорок. Раздаётся Аллилуйя, льющееся волшебными звуками музыки, благоухающими аромата Рая; слышится звон священного колокола, звучащий так чисто и нежно, словно я слышу пение ангелов, переплетающихся с голосами хора. Слышатся полнокровно звучащие голоса, вздохи и шепот возрождающихся надежд.

Пламя сотен восковых свечей ожило, затрещало, загудело, отбрасывая дрожащий золотой свет и подвижную тень на печальные

лица, окутанные болью и усталостью, словно гиацинтовой траурной каймой; глаза, тусклые и безнадежные, вновь наполняются светом и радостью — светом и радостью, какие только можно вообразить на человеческом лице. Омывает песнь робкие слова на устах, «Отче» взметнется в воздух, вспыхнет, оживая полным дыханием в груди. Земля, ветер, листва, трава, все вокруг — всё подчинится этому пению. А небо, темнеющее под низкими облаками, словно вторя нам, со скорбными рыданиями разбивает раскаленные добела слёзы, что робкой паутинкой пробегают по лику нашего города, вновь и вновь утирает ими болезненную, стыло-неподвижную, седую росу со лба, освежает запекшиеся губы, иссушённые лихорадкой войны, и вбирает натужно поднимающуюся и опускающуюся грудь тяжело дышащей нашей земли, даруя сладостную негу и нежные поцелуи несчастному избитому телу ее. Чувство, чутко дремлющее внутри каждого из нас, спящее в летаргической мгле, а теперь же возродившееся и ожившее, стремительно затопившее всё своим тёплым, влажным потоком — так же стремительно, как стремительно прорезается росток к солнцу сквозь серый бульжник нескончаемых дорог, бегущими рядом с торными кривыми тропинками, всю исшарканных ногами прохожих — так и это чувство становилось осязаемым, самостоятельным, облеченным плотью существом. Вера — настоящий очищающий поток для ищущих чистоты и лекарство такой силы, что с Божьей помощью и молитвами исцеляет самые страшные раны. И её отголоски будут пролетать через века, если каждый добавит к их неумолчным звукам свои аккорды и с лёгким сердцем отошлёт их в будущее. Вера жива в каждом из нас сегодня, потому и огонек надежды не потухнет! *«Надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся (Ис. 40: 31)»*. Нам бы крылья птицы, и мы улетели бы скорой голубкой, унесённой дыханием ветра, в небо, чтобы принести на нашу землю мир!

... Я чувствую светлую радость, и она зажигает в моей душе солнце. Радость, которую не разрушит ничто, даже война. **НО**